

Весточка

Григорий
Шувалов

Жизнь коротка — успеть бы помечтать

ГРИГОРИЙ
ШУВАЛОВ

Весточка

Москва
Литературная Россия
2017

УДК 82
ББК 84(1Рос=Рус)6-5
Ш 95

Шувалов Григорий Викторович.

Ш 95 ВЕСТОЧКА: стихотворения. – М.:

Литературная Россия, 2017. – 104 с.

ISBN 978-5-7809-0222-5

Перед вами первая книга стихотворений Григория Шувалова, ученика таких разных поэтов, как Юрий Кузнецов и Евгений Рейн.

По мнению литературоведа Сергея Федякина, что-то сближает стихи Шувалова с поэзией Бориса Рыжего, но с рубцовским «просветом». «Это «отчаяние подворотни» запечатлено с несомненной энергией, но и с неодолимым желанием поднять голову, увидеть небесную «вечность» над головой».

Настоящая поэзия рождается на столкновении двух миров – идеального и реального. Под идеальным поэт понимает тот мир, который устроен «по воле Бога самого», а под реальным – тот, который мы делаем сами. Счастлив тот человек, в сознании которого эти два мира совпадают. Цель данной книги – дать людям почувствовать, что это возможно.

© Григорий Шувалов, 2017

ISBN 978-5-7809-0222-5

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	7
------------------------	---

СВОБОДА

Поэт и море	11
1. <i>Морской бой</i>	11
2. <i>Мёртвое волнение</i>	12
3. <i>Пазл</i>	14
«В этот год обмелела река...»	16
«Классно тем, молодым и влюблённым...»	18
«Мне повезло, дела мои неплохи...»	20
«Снова лаемсЯ с тобой...»	21
«Солнечный день – и Москва ожила...»	22
«Дождя глухие переливы...»	23
«Я тебе, подруга, растолкую...»	24

ТРЕТИЙ РИМ

«Здесь, на окраине третьего Рима...»	27
«Мужик за забором, он красит забор...»	28
«Последняя радость осталась – дорога...»	29
«С утра проснёшься на работу...»	30
«Пустынный пляж, бездонный водоём...»	32
Сеанс связи	33
«В Москве всё пышно расцветает...»	34
«Забудь про былое, нажми тормоза...»	35

«Как слюбится, так и разлюбится...»	36
«Этот город похож на наркотик...»	37

ВЕСТОЧКА

Ладва	41
Для тех, кому за 30	42
8 марта в кафе «Спутник»	43
На могиле Батюшкова в Прилуках	44
Пробуждение	46
«Этой ночью мне спать не давал соловей...»	47
«Я так хотел открыть с тобою мир...»	48
«Меня б ты из армии не дождалась...»	49
«Я уйду, ты меня не неволь...»	50
Весточка	51

ИЛЛЮЗИИ

«Да, всё начинается с малого...»	55
«Старики, братаны, пацаны...»	56
«Привет, Шексна...»	57
«Как осень за дымкой тумана...»	59
«Так ночь перерастает в ссору...»	60
«Живу в суете и обмане...»	61
«Ты как жена ложишься с краю...»	62
«Теперь-то мне точно известно...»	63
«Упала капля света...»	64

РЕАЛИИ

«Упасть, подняться, рухнуть снова...»	67
Незнакомый маршрут	68
«Не будет вечности для нас...»	69
Дождик	70
«Всё кончено, значит, осталось проститься...»	71
«Мы семью скотили на тройку...»	72
«Да, мы ещё по улице идём...»	73
17 августа	74
Фантом	75
Детская площадка	76

СОЦИУМ

Переход	79
«Словно горсть непокорной земли...»	80
«Нам рельсы спугала дорога...»	81
Новый Сократ	82
Сорняк	83
«Курск»	84
Комната приёма передач	85
Открытие Урала	86
Церковь Рождества Христова в Запогостье	87
В музее	89

ПОЭТ

«Моё детство не верило в горе...»	93
«Нас наивных накололи...»	94
Литинститут	95
Колпак	96
«Как надоело мне...»	97
Мать-и-мачеха	98
«Я вчера перерезал пространство...»	99
«Плохи мои дела, я тлею, как окурок...»	100
«Ни в марте воды, ни в апреле травы...»	101
«Взирая на трубы завода...»	102
<i>Об авторе</i>	103

ОТ АВТОРА

Объяснять собственное творчество не совсем прилично, стихи должны говорить сами за себя, однако во времена культурного варварства делать это, так или иначе, приходится. Можно много рассуждать про сложное время, в котором нет места поэзии, но это будет неправдой, поскольку поэзии существовала и в блокадном Ленинграде, и в колымских лагерях. Дело в том, что литература в целом перестала определять лицо современной культуры, значительно уступая по силе воздействия другим видам массового искусства и даже китчу, а ведь поэзия всегда была авангардом литературы. Не значит ли это, что поэзия обречена на существование лишь в кругу посвящённых? Впрочем, и такое в истории поэзии уже бывало.

Для русской поэзии приоритетным является развитие в русле силлабо-тоники. Совсем не потому, что верлибр плох. Подвижное ударение, многосложные слова, развитые флексии, фонетический строй, постоянное обновление разговорной лексики и другие особенности русского языка способствуют тому, что возможности русской рифмы постоянно расширяются. Если же к рифме добавить вариативность метрики, строфики, ритмики, мы получим практически безграничное поле для поэтических экспериментов. Самыми интересными и востребованными сегодня поэтическими приёмами мне представляются —

игровое начало, эффект обманутых ожиданий и ударная концовка.

Игровое начало присуще поэзии изначально. Постмодернизм, заменив метафизику иронией, рассматривал текст как своего рода игру, не оставляя при этом в литературе места для реальной жизни. Но жизнь оказалась сильнее, вскоре сам постмодернизм стал восприниматься всего лишь игрой. Эффект обманутых ожиданий может создаваться широким спектром выразительных средств, как формальных – оригинальной рифмой, сбоем ритма, сменой метрики, строфики, так и содержательных – парадокс, умолчание, аллюзия и т.д. Ударная концовка – едва ли не обязательный элемент современного стихотворения, позволяющий ему выжить в информационном шуме. Конец – делу венец. Противопоставляется условно-поэтической концовке, не содержащей развязки либо надуманной.

Впрочем, для меня содержание в поэзии важнее, чем форма, хотя они и неотделимы друг от друга. Ведь именно благодаря содержанию, а не форме, читатель узнаёт, что я за человек. Если же за словами нет ничего, кроме словесной игры, интерес к такой поэзии быстро угасает. Поэт должен оправдывать свои слова, а слова должны оправдывать поэта.

СВОБОДА

ПОЭТ И МОРЕ

1. МОРСКОЙ БОЙ

Начиналось всё бойко и дерзко,
а потом развалили страну.
Из скупого советского детства
я запомнил игрушку одну,

что стояла в ДК неизменно,
фантастических звуков полна:
в ней гудела ночная сирена
и шумела морская волна.

Я пятнашку ей в брюхо закину,
и прицелюсь, и кнопку нажму,
и торпеда, разрезав пучину,
со всей дури ударит в корму.

Я не ведал расстрельной свободы,
потому не боялся её –
философские шли пароходы
через горькое детство моё.

Я теперь научился толково,
не теряя в сраженьи лица,
направлять броневой слово
на людские умы и сердца,

ни себя, ни других не жалея,
научился судить обо всём,
и стреляет моя батарея,
как и в детстве, прицельным огнём.

2. МЁРТВОЕ ВОЛНЕНИЕ

*Кто на море не бывал,
тот досыта Богу не молился.
(русская пословица)*

С друзьями об истине споря,
я выпил воды и огня
и плюхнулся в Чёрное море,
и море схватило меня.

От берега я удалялся,
волнением мёртвым влеком.
Боялся?.. Наверно, боялся.
Но я говорю о другом.

В обители хищной природы
я трепетным сердцем постиг
величие древней свободы,
которой не знает язык.

Я стал бы, наверное, морем,
в воде растворился, как соль,
легендой, нелепостью, горем,
но я не сыграл эту роль.

Я даже не вспомнил о Боге
и был опрокинут волной,
но чудом почуяли ноги,
не бездну, а твердь подо мной.

И понял я, праздный мечтатель,
что жизнь свою прожил шутя.
Потом появился спасатель
и вывел меня, как дитя.

Слетелись, как гарпии, люди:
поэты, зеваки, врачи.
Я даже не думал о чуде,
поэтому здесь помолчи

о смерти, которая схватит
и станет пределом всего,
иначе таланта не хватит,
чтоб выразить волю Его.

3. ПАЗЛ

Вечером тоскливо, я чаю вмазал
и проверку чувств произвёл на лживость.
Помнишь, мы с тобой собирали пазл,
а любовь у нас так и не сложилась.

Там была картинка, на ней – осада,
корабли стреляли в мятежный город.
Раз любовь прошла, значит, так и надо,
но меня терзает любовный голод.

Флаги ты собрала почти мгновенно,
паруса возникли и мачт верхушки.
Я же возводил городские стены,
ну а ты на них направляла пушки.

~~А потом вдвоём мы собрали море,
на него мы вместе с тобой ни разу.
Здесь плохой поэт срифмовал бы «горе»,
а хороший — вычеркнул б эту фразу.~~

Но сложней всего собиралось небо –
голубое, белое, в клочьях дыма.
Жаль, в шестое чувство я верил слепо,
и оно, как поезд, промчалось мимо.

Интерес утратила ты внезапно,
небо я один собирал в концовке,
чтоб убить любовь корабельным залпом,
нужен трезвый ум и чуть-чуть сноровки.

Я кусочек неба тебе оставил,
ты его собрала, поставив точку.
Здесь плохой читатель меня б поправил,
а хороший – деньги б швырнул на бочку.

* * *

В этот год обмелела река,
от воды отодвинулись зданья,
стали ближе её берега,
так что впору бежать на свиданье.

Снова тучи над лесом сошлись,
никакого на них угомону,
в самый раз оглянуться на жизнь
и держать до зимы оборону.

Я иду по дождю и тоске,
вдалеке чёрной точкой собака
изучает следы на песке,
как астрологи круг зодиака.

Ветер к берегу гонит волну,
он не ведает страха и горя,
я ползу, как улитка по дну
пересохшего моря.

Как безвольно душило меня
тридцать третье опальное лето,
порох есть, не хватило огня,
кисти есть, недостаточно света.

И любовь, что рябиной горит,
не утешит в осеннюю слякоть,
недозрелая горечь обид
от её поздних ягод.

Впрочем, хватит уже о больном,
и без этого грусти хватает,
дома встретят привычным теплом,
и душа отойдёт и оттает.

А потом снова выпадет снег,
белый-белый, пушистый-пушистый,
чтобы горя не знал человек
после осени мрачной и мгливой.

И деревья оденет зима
в небывалый наряд подвенечный,
не иссякли её закрома,
их запас бесконечный.

И иду я, дорогой влеком,
открестясь от унынья и грусти,
эта жизнь нам далась нелегко,
и легко мы её не отпустим.

* * *

*Жили они долго и счастливо
и умерли в один день.
(из русских сказок)*

Классно тем, молодым и влюблённым,
что летят по путёвке в круиз,
а их лайнер над солнечным склоном
неожиданно падает вниз.

Лучше так, пусть летят из круиза –
отдых тоже теперь не пустяк,
и уже проштампована виза,
и запилены фотки в «Контакт».

И осталась минута до взрыва...
полминуты... и скоро рванёт.
Он глядит на неё молчаливо
и до боли за руку берёт.

Да, родители будут в печали,
будет водку глушить лучший друг,
но зато они горя не знали,
не хлебнули измен и разлук,

и друг друга уже не обманут,
и любовь свою не предадут,
взявшись за руки, так и предстанут
на последний, на божеский, суд.

Ну а нам, друг от друга уставшим
и в глаза научившимся лгать,
много раз свою честь потерявшим,
о таком можно только мечтать.

С высоты самолёт наш не падал,
теплоход не стремился ко дну.
Здесь – мы жизнь свою сделали адом,
там – и вовсе гадать не рискну.

Что ж спасибо, судьба, за науку,
что открылась уму моему.
Просто дай на прощание руку,
я её напоследок пожму.

* * *

Мне повезло, дела мои неплохи,
я на ногах уверенно стою,
и поздний яд сомнительной эпохи
ещё не тронул молодость мою.

Ещё горит в груди огонь желанья,
и я не сожалею ни о чём –
я испытал любовь и расставанье,
и смерть стояла за моим плечом.

Я разлюбил бездушных и строптивых,
похожих на холодную зарю,
я счастлив был недавно в этих ивах,
а нынче с равнодушием смотрю.

Ушла вода, и обнажились мели,
притихли у причала корабли,
и всё, что в этой жизни не сумели,
мы словно крошки со стола смели.

* * *

Снова лаемя с тобой,
знать, дала система сбой,
вот и вылезла ошибка
на экран, на голубой.

И о чём нам говорить,
ведь опять начнёт сбоить,
переделать это сложно,
можно только удалить.

Мимо ведь могли пройти,
типа нам не по пути,
впрочем, было интересно,
хоть забылось всё почти.

Всё исчезнет, как туман,
молодость, самообман,
никому не интересен
недописанный роман.

Прогуляюсь вдоль реки,
посмотрю на поплавки,
всё равно любовь завяла
всем надеждам вопреки.

Ну и что, что не сбылось,
не сложилось, не срослось,
жизнь идёт своим порядком
и скрипит земная ось.

* * *

Солнечный день – и Москва ожила,
будто бы заново всё разукрасили,
в жёлтом наряде берёзы и ясени,
зелень ещё до конца не сошла.

Ветра порыв нагибает кусты,
листья слетают и падают в воду,
детство всегда выбирает свободу,
не опасаясь её пустоты.

Скоро закончится весь этот блеф,
осень взяла уже город на мушку,
фотолюбитель, прогноз посмотрев,
на фотосессию выгнал подружку.

Смотрит с улыбкой она в объектив,
кадр остановит болтливое время,
мимо пройду, их оставив не в теме,
в эти стихи невзначай поместив.

Утки подняли детей на крыло,
скоро отправятся в тёплые страны,
чувства запутались, как партизаны,
бросив без боя родное село.

А за спиной полыхает костёр –
жёлтые полосы, красные пятна,
и невозможно вернуться обратно,
выйдя однажды за этот простор.

* * *

Дождя глухие переливы,
в сознание – вспышка и обрыв.
Мне снятся атомные взрывы
и ты, похожая на взрыв.

И я от страха просыпаюсь,
и сердце ёкает в груди,
потом тебя найти пытаюсь,
но ты осталась позади.

За что мне это наважденье?
Скажи мне, Господи, ответь!
Зачем я должен жалкой тенью
на преисподнюю глядеть?

Я в темноте ищу одежду,
совсем не нужную сейчас.
Не забирай у нас надежду,
когда любовь уйдёт из нас.

* * *

Я тебе, подруга, растолкую,
расскажу, как есть, начистоту,
я любил одну, потом – другую,
а тебе оставил пустоту.

Пустота – неправильный подарок,
но его ты не вернёшь назад,
мы зашли под свод сосновых арок,
покидая наш пансионат.

Я с начала знал, что проиграю,
что судьбы острее лезвиё,
но ещё в уме перебираю
имя королевское твоё.

После в интернете пощечем,
чтоб забыть друг друга навсегда.
Девочка уедет в Благовещенск,
а потом настанут холода.

ТРЕТИЙ РИМ

* * *

Здесь, на окраине Третьего Рима,
время проносится неумолимо:
вечная спешка, работа, дела –
я не заметил, как осень пришла.

Быстро природа сменила свой статус,
я не заметил, наверное, старость
память мою сигаретой прожгла.
Я не заметил, как осень пришла.

Листья, как деньги, шуршат под ногами:
даже сравнения просятся сами.
Город накрыла вечерняя мгла –
я не заметил, как осень пришла.

Осень настала, а я не заметил,
как драгоценного гостя не встретил.
Нынче она у чужого стола.
Я не заметил, как осень пришла.

* * *

Мужик за забором, он красит забор,
который меня разделяет и двор,

элитного дома он страж и газона,
а возле забора подохла ворона.

Сидеть на заборе придётся не ей –
она уже стала добычей червей.

И мимо забора сквозь сон и дремоту
как офисный червь я ползу на работу.

Пусть мысли о смерти совсем не страшны –
зачем же ворона с моей стороны?

* * *

Последняя радость осталась – дорога,
она начинается прямо с порога,

идёт мимо школы, петляет дворами,
её я измерил своими шагами,

за школой её перерезал трамвай,
и сам я себе говорю – не зевай!

А дальше она поднимается в гору,
с которой катаются в зимнюю пору,

потом она между деревьями вьётся,
и кто-то навстречу тебе улыбнётся.

Дорога похожа на школьную пропись...
Как жаль, что она упирается в офис.

* * *

С утра проснёшься на работу,
а день такой же, как вчера.
Попил чайку, прогнал зевоту,
уж на работе быть пора.

Идёшь и думаешь о разном:
о смысле жизни, о судьбе,
о нашем мире безобразном,
и вдруг привидится тебе,

как будто ты один в ответе
за этот дикий вертоград,
но так же умирают дети,
и так же нищие смердят,

низы молчат, верхи воруют,
сосед спешит за наркотой,
и так же женщины торгуют
своей фальшивой красотой.

Бушуют войны и раздоры,
в умах разруха и бардак,
и бесполезны уговоры
и обещанья райских благ.

И ты уже придумал кары:
болезни, бедствия, потоп,
готовишь бури и пожары
и истребление нон-стоп.

Готов разрушить всё на свете,
сам свет тебе уже не мил.
Но вот во двор выходят дети,
и ты прощаешь этот мир.

* * *

Пустынный пляж, бездонный водоём,
нас окружает бархатная осень,
и мы с тобою медленно идём
под сводами вечнозелёных сосен.

Я чушь несу – гори она огнём,
и, кажется, ты даже заскучала.
Любви моей прекрасное начало,
ах, лучше и не думать, что потом.

Свет под ногами превратился в тень,
жизнь всё равно возьмёт меня за ворот,
я навсегда запомнил этот день,
и сумерки обрушились на город.

Вот мы уже по улице идём,
столица спит, машины на парковке,
я провожу тебя до остановки,
а что потом? Неважно, что потом.

СЕАНС СВЯЗИ

И разум всех людей соединяет нас,
и вижу я тебя, и слышу я твой голос,
иллюзия твоя прищуривает глаз,
и улыбается, и поправляет волосы.

И радиоволна сшивает нас с тобой –
иллюзия твоя шипит на мониторе,
как будто за окном полощется прибор,
как будто мы с тобой приехали на море.

Я не могу тебя вдыхать и осязать
и твоего тепла не ощущаю тоже.
Я даже не могу тебя за руку взять,
обнять, поцеловать – на что это похоже?

Но, если невзначай на кнопку я нажму,
исчезнет голос твой в далёком отголоске,
как будто целый мир обрушился во тьму
на оживлённом перекрёстке.

Но стоит мне опять на кнопочку нажать,
и можно начинать наш разговор сначала.
Но всё же не обнять и всё же не поднять –
влюблённому в тебя сеанса связи мало.

* * *

В Москве всё пышно расцветает,
а в вологодской стороне
листочек первый распускает
природа, словно в полусне.

Душа исполнена покоя,
в столице брошены дела,
и ощущение такое,
как будто жизнь назад пошла.

И ты лежишь на верхней полке
и спишь как много лет назад,
а вдоль дороги ёлки, ёлки,
как дни прожитые летят.

И мы ещё не знали горя
ни с той, ни с этой стороны,
ещё не ездили на море,
друг в друга крепко влюблены.

Нас жизнь ещё не обломала,
не обманула, не сожгла,
и от вокзала до вокзала,
как будто вечность пролегла,

где мы заложники с тобою.
И солнца лучик бьёт в окно,
и ничего ещё судьбою
наверняка не решено.

* * *

Забудь про былое, нажми тормоза
и с небом осенним напрасно не ссорься,
я кровью заката испачкал глаза,
тебя я не вижу, прощай, моё солнце.

Меня не спасут нашатырь и бинты,
не смогут меня откачать санитары,
чтоб сердце моё не покинула ты,
осталось красиво уйти под фанфары.

И больше не думать о самом простом,
ведь в пропасть уходит любая дорога
и чувства вовеки не станут мостом,
всё это – издержки красивого слога.

Не надо любовь превращать в балаган,
довольно тревог и метаний по краю.
В обнимку с реальностью ходит обман,
но я больше в этот обман не играю.

* * *

Как слюбится, так и разлюбится,
природа, наверно, права –
в оазисе ищет верблюдица
места, где сочнее трава.

Жевать бы жвачку колючую,
с полынью мешать саксаул,
да встретил её неминуемую
и жизнь словно в карты продул.

Всё верится – вот настоящее,
а не мимолётная блажь,
лишь с виду картинка блестящая,
на деле – обычный мираж.

Дотронься рукою до воздуха –
пройдёт по картинке волна,
искал я покоя и отдыха,
но в сердце и в мире война.

Грохочет салют над столицею,
девчонка со спрайтом стоит,
толпу окружила милиция,
по телику кто-то убит.

Вгрызается в мозг информация,
на башне салат из знамён,
и гибнет великая нация
под натиском пришлых племён.

Господне свершается мщение,
прогресс по наклонной идёт,
и только одно ополчение
надежду и гибель даёт.

* * *

Этот город похож на наркотик,
мне уже не уйти никуда.
Я бросаю с моста вертолётник,
и его забирает вода.

Наша жизнь далека от кошмара.
Над рекой расстилается смог.
На перила влюблённая пара
прицепила амбарный замок.

Гаснет день и кончается лето,
холодок продирает насквозь.
Никогда я не верил в приметы,
потому ничего не сбылось.

Собираются птицы к отлёту
на юга в дармовое тепло.
Зря я выбрал трагичную ноту,
но иначе и быть не могло.

ВЕСТОЧКА

ЛАДВА

В низине среди сосен и ёлок
хлебнувший страданий и бед
затерян карельский посёлок,
где я появился на свет.

Рекою от уха до уха
разрезан на две стороны.
Разруха, разруха, разруха,
как после гражданской войны.

Зачем же я здесь очутился
и не позабуду никак
квартиру, в которой родился,
и Ленина ржавый пиджак,

мосты и развалины храма,
который погиб от огня,
то время, где папа и мама
немного моложе меня.

Да, были и ахи, и охи,
но всё же горели огни,
а мне от прекрасной эпохи
остались осколки одни.

И я не найду теперь средство,
движение лёгкое, чтоб
опять превратить это место
в сверкающий калейдоскоп.

ДЛЯ ТЕХ, КОМУ ЗА 30

Заняться было нечем,
а завтра – не учиться,
и мы пошли на вечер
для тех, кому за 30.

Нам было по 15,
какие наши годы,
нас звали развлекаться
бубенчики свободы.

Шла водка без закуски
под модные куплеты,
горели синим блузки
от ультрафиолета,

и горя было мало
в одну из светлых пятниц,
и музыка блуждала
среди столов и пьяниц.

О, молодость, куда ты
летишь быстрее кометы?
А через 3 – в солдаты,
а через 5 – в поэты.

8 МАРТА В КАФЕ «СПУТНИК»

Чего со мною только не бывало,
но я прошёл по жизни налегке.
Однажды я работал вышибалой –
охранником в районном кабаке.

Начало нулевых. Ещё стреляли.
С работою напряг и денег нет.
Я согласился, мне на смену дали
наручники, дубинку, пистолет.

Я заступил, сперва всё было чинно –
восьмое марта, девушки, цветы,
но быстро нажились их мужчины,
и начались разборки и понты.

Дебют удачный – скорая, ментовка,
кабак гудел и на ушах стоял,
а почему всё вышло так неловко,
я после в объяснительной писал.

Я, к счастью, там недолго продержался,
я дольше бы не выдержал, не смог.
В Москву искать признания сорвался,
поэзии приметив огонёк.

Так жизнь спасла меня от соплежуйства,
но для меня отраднее всего,
что за мои недолгие дежурства
там всё же не убили никого.

НА МОГИЛЕ БАТЮШКОВА В ПРИЛУКАХ

Неудачный любовник,
городской соловей,
папоротник и шиповник
на могиле твоей.

Твой талант – дивный корень
на глухом пустыре,
ты не зря похоронен
в дальнем монастыре.

Так писал ты туманно,
что не каждый поймёт,
стих твой – рваная рана,
перевязка и йод.

У ворот монастырских
инвалиды стоят,
просят деньги настырно
на закуску и яд.

Лишь случайный прохожий
да заезжий поэт
твой покой потревожат:
«О, коллега, привет!»

Так судьба повелела,
отпусти и прости.
В землю спрятано тело,
чтоб стихами цвести.

И совсем неподвластны
пересудам толпы
выпирают бесстрастно
ягоды и шипы.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Природа, сжатая в кулак,
в апреле разжимает пальцы –
ликуют птицы и скитальцы,
и у поэтов всё ништяк.

Об этом после как-нибудь...
Апрель – и лопаются почки,
и дышат клейкие листочки
во всю распахнутую грудь.

Земля – как смятая постель,
пока на ней не вырос клевер.
И, как по компасу, на север
идёт вприпрыжку коростель.

Снег тихо прячется в лесу,
готовый превратиться в воду,
трава выходит на свободу,
услышав первую грозу.

Природа празднично-светла
и улыбается спросонок,
она беспечна, как ребёнок,
не знающий добра и зла.

* * *

Этой ночью мне спать не давал соловей,
он всю ночь распевал для любимой своей.

Если б мы с тобой ночью сидели вдвоём,
я бы тоже, наверное, пел соловьём.

Но спокоен отныне мой скорбный приют,
больше певчие птицы здесь гнёзда не вьют.

Впрочем, песня меня бы уже не спасла –
в моём сердце не лёд, а осколок стекла.

Замолчи соловей и людей не морочь,
пусть глаза мне закроет косматая ночь,

упаду мертвецом я в объятия сна,
мне гораздо нужней темнота, тишина.

Ну а ты улетай, чтобы встретить зарю,
и не слушай, безумец, что я говорю.

* * *

Я так хотел открыть с тобою мир,
поверить в ложь, придуманную мною,
в той вечности, в которой мы сгорим,
но ты уйдёшь, и я глаза закрою.

И будет сон, но только без тебя,
и я дойду до той пустышной бездны,
где можно жить, не плача, не любя,
я растворюсь в ней, навсегда исчезну.

Но ты во мне, ты всё ещё во мне,
и я ещё не умер, да, не умер.
Давай с тобою посидим-покурим,
и я исчезну в этом страшном сне.

* * *

Меня б ты из армии не дождалась:
два года – не шутка.
И снова петляет сквозь прошлую грязь
чужая маршрутка.

Подумаешь, как это было давно –
и в сердце заноза.
Вот так умирает в забытом кино
хорошая проза.

И бледное солнце подарит объём,
как будто в насмешку.
Мой грустный соперник смахнул королём
отставшую пешку.

И хочется как-то быстрее завершить
все эти мученья
и белыми нитками рот свой зашить
без права отмщенья.

Не зря я учился смотреть во всю ширь
на вещи реально.
За мною никто не поедет в Сибирь,
и это – нормально.

* * *

Я уйду, ты меня не неволь,
смоет прошлое дождик московский.
«Наша жизнь – взбаламученный ноль» –
очень точно сказал Циолковский.

Долго в прошлое смотрят глаза,
ожидая в развинченном быте
разглядеть, что скрывается за
горизонтом событий.

Это старт, это спад, это всплеск,
это встречи, разлуки, тусовки,
это сердца влюблённого треск
и его упаковки.

Как студент, проваливший зачёт,
я прошёл мимо вечного храма.
Жизнь проходит – и в этом вся драма,
а любовь никогда не пройдёт.

ВЕСТОЧКА

За окнами – дудки и клевер,
местами мелькнёт зверобой.
Прямую дорогу на север
цветы нам укажут с тобой.

Я весточку ближним отправлю,
столичные сброшу тиски,
усну и проснусь в Ярославле
в предчувствии русской реки.

И, за руки взявшись, недолго
мы будем смотреть в темноту,
где плещется сонная Волга,
горят огоньки на мосту.

Хотя ничего не исправить
в разбитой годами судьбе,
за эту нелёгкую память,
родная, спасибо тебе.

Спасибо тебе за немилость,
которая ждёт впереди.
Из сердца любовь испарилась,
но плещется Волга в груди.

ИЛЛЮЗИИ

* * *

Да, всё начинается с малого,
и вроде бы мелочь, пустяк,
что вы не читали Шувалова
и как-то обходитесь так.

И как-то живёте и дышите,
смеётесь, растите детей,
и дождь над московскими крышами
для вас безусловно родней.

Его бесконечная жалоба
струится на спящий квартал,
но вы не читали Шувалова,
и вам он стихи не читал.

Но всё же, но всё же, послушайте –
зачем же так больно колоть?
Любовь ощущается душами,
как телом смиряется плоть.

* * *

Старики, братаны, пацаны,
не подав на прощание руку,
я свалил из дворовой Шексны
и глотаю московскую скуку.

Эх, налиться бы ей по глаза,
оглянуться, расчухать, качнуться,
и в Шексне на скамейке очнуться,
и узнать пацанов голоса.

Кто-то снова ушёл за вином.
Так всё просто, до боли знакомо:
мы собрались у пятого дома,
до утра никуда не уйдём.

* * *

Привет, Шексна! Как старое сукно,
простой костюм, поношенный и стёртый,
вокзальное подгнившее бревно
закрыл собою европластик мёртвый.

Как я любил первоначальный вид!
Вскочу в маршрутку – резвую повозку,
и быстро мы помчимся к перекрёстку,
пока автобус вдалеке гремит.

Вот Барбач – мрачный, спившийся район.
Он неопрятен, тягостен и беден,
различными пороками объеден,
дитя иных, блистательных, времён.

Здесь не найдёшь ни храмов, ни крестов.
Как торжество советского закона
поднялись вышки вместо куполов
и остановка под названьем “Зона”.

Торговый центр – загадка для ума
на скучном фоне старого Райтопа,
и, кажется, что ветхие дома
построены задолго до потопа.

Руины школы, выцветший бурьян,
пятиэтажки, рынок и помойка.
Над магазином страшная надстройка
похожа на мясистый нос армян.

На Первомайской воткнут, как топор,
фонтанчик поселкового разлива,
и было бы, наверное, тоскливо,
когда б не окрыляющий простор.

Здесь небо греет, как глоток вина.
А вот мой дом. Встречай меня, Шексна!

* * *

Как осень за дымкой тумана,
как праздники, пьянки, цветы,
надежда – продленье обмана,
обман – продолженье мечты.

И после такого нелепо
в сознание чужой правоты
смотреться в московское небо,
где нет ни единой звезды.

Калёная прихоть, причуда
с поправкой на гений и труд.
Свалить бы скорее отсюда
туда, где жалеют и ждут.

Соринка, жестянка, шутиха,
мелькнувшая в сизом дворе.
Мне будет спокойно и тихо
лежать на Поповской горе.

* * *

Так ночь перерастает в ссору,
и вот из-за чужих проблем
кровь разлилась по коридору,
а я не думаю: «Зачем?»

С ногами лезет на окно
студент с разбитыми губами.
О, как же грустно и темно,
и завтра что-то будет с нами.

* * *

Живу в суете и обмане
с надеждой на лучший исход,
а девушка с фигой в кармане
любви, как спасения, ждёт.

Хорошей любви, не обломной,
а я загоняю ей бред
на лестнице грязной и тёмной,
в которой спасения нет.

Пусть жизнь, как открытка, убога,
но я тебе честно скажу:
я выломлю правду у Бога
и в руку твою положу.

* * *

Ты как жена ложишься с краю,
и мы о многом говорим.
Я очень плохо понимаю,
зачем вообще мы вместе спим?

Ты ищешь дом, а я бродяга,
я не тактичен, даже груб.
За дверью вымерла общага,
и я твоих касаюсь губ.

Спокойно, Боже, как спокойно,
как на душе моей светло!
Пускай ты большего достойна,
но если будет тяжело,

не застрелюсь и не повешусь,
с балкона вниз не лomanусь:
тобой, одной тобой, утешусь,
тобой, одной тобой, спасусь.

* * *

Теперь-то мне точно известно,
я понял себя наконец:
какой из меня, если честно,
садовник, строитель, отец.

И я умираю поэтом
в объятиях смутного дня.
Родная, простите за это,
ведь Вы не любили меня,

а может, любили. Да что там
терзаться об этом сейчас.
Сыграйте о смерти по нотам,
чтоб хлынули слёзы из глаз.

Пусть слёзы последние эти
размоют душевный покой,
где сад мой, где дом мой и дети
несбыточной стали мечтой.

* * *

Упала капля света
на влажную сирень.
Стихи – лишь тень поэта,
стихи – всего лишь тень.

Когда меня не станет,
читатель-рифмоплёт
стихи мои помянет
и в тень мою зайдёт.

РЕАЛИИ

* * *

Упасть, подняться, рухнуть снова
и подниматься много лет.
Живу легко и бестолково,
а счастья не было и нет,

и жизнь тем временем проходит.
Затем и в комнате бардак,
что ничего не происходит,
а я надеюсь, как дурак:

я связи прежние нарушу,
я буду добрый и смешной.
Но кто теперь вернёт мне душу,
давно потерянную мной.

НЕЗНАКОМЫЙ МАРШРУТ

Сегодня я проснулся слишком рано.
Я мало сплю, я слишком много жил.
Я вынул зажигалку из кармана,
которую по пьяни положил.

И закурил, и шёл, куда не надо,
совсем один, без денег и следа
среди долгов, зимы и снегопада.
Куда я шёл? Не помню сам, куда.

Впитав в себя уныние и смуту,
расстроенный, что счастья в мире нет,
я шёл по незнакомому маршруту,
и всюду мне горел зелёный свет.

И я живу, живу и увядаю,
пока по мёртвым улицам хожу,
пока о Боге всеу вспоминаю,
слова в стихи трагически вяжу.

* * *

Не будет вечности для нас,
она останется незрима.
Так непонятен запах дыма,
когда огонь уже погас.

Любовь, отжившая давно,
во мне уже не возродится.
Не страшно жить, не страшно спиться,
а страшно то, что всё равно.

ДОЖДИК

Дождик льётся с утра на Москву,
на деревья, кусты и траву,
на машины, дороги, дома,
на людей, походивших с ума.

Лейся дождичек, дождик литой,
хорошо быть могильной плитой:
вот – печать человеческих дел,
дальше плюнуть никто не сумел.

Тяжело в глубину прорасти,
тяжело по весне зацвести.
Спи, мой свет, мой единственный свет,
ничего в этом страшного нет.

Лейся, дождик, на нашу болезнь,
на мою погребальную песнь.

* * *

Всё кончено, значит, осталось проститься
и в новую жизнь окончательно влиться.

Там новые встречи и новые связи,
и новые, новые сдвиги по фазе.

И новые тени выходят из мрака,
одна только память скулит, как собака.

Стою, как вратарь, проворонивший шайбу,
а ты уже с кем-то болтаешь по скайпу.

* * *

Мы семью склотили на тройку,
и теперь её попросту нет.
От любви остаются лишь строки,
и за них ухватился поэт.

Нет на свете мучительней связи,
чем душевное это родство,
всё казалось – из грязи да в князи,
а на деле – одно баловство.

Но не будет на свете цивильней,
чем (другое уже ни о чём)
в оцифрованном свадебном фильме,
где ты в платье стоишь голубом.

Все цветы пред тобою склонились
(посмотри, как прекрасна она!),
но любовь, уходящая в минус,
завершиться когда-то должна.

Я прощаю твою однобокость
и твоё беспощадное нет.
Потому что любовь – это фокус,
но теперь-то я знаю секрет.

* * *

Да, мы ещё по улице идём,
о чём-то говорим, ещё смеёмся,
но оба точно знаем – расстанемся,
И понимаем всё, и сознаём.

Цвети цветком и бабочкой порхай,
и улыбайся миру, улыбайся,
в поэтов только больше не влюбляйся.
«Не покидай меня, не покидай», –

хочу сказать, но впереди вокзал.
Я посажу тебя в последний поезд,
домой приеду, дома успокоюсь
и позабуду всё, что не сказал.

Прости меня за мой дурацкий вид,
прости за боль, за злобу, за жестокость,
за то, что жизнь раскрыта, словно фокус,
и смерть нас навсегда разъединит.

17 АВГУСТА

Где эта музыка нынче,
та, что по жизни вела.
Как на картинах да Винчи
лёгкая дымка легла.

Август склонился к исходу,
яблоко падает вниз.
Я выбираю свободу,
ты выбираешь каприз.

В зарослях крикает утка,
ладят кузнечики хор.
Счастье сорвалось, как шутка,
праздник угас, как костёр.

Выросли травы по пояс,
солнечный плещется свет.
Медленно тащится поезд,
если не куплен билет.

ФАНТОМ

Презирая московскую скуку,
я остался стоять на краю,
я тебя потерял, словно руку
в беспощадном ненужном бою.

Это станет уроком потом нам,
а сегодня потеря легка.
Дорогая, ты стала фантомом,
и в могиле истлела рука.

И неважно теперь, что там было,
как подумаешь, всё ерунда.
на горе зеленеет могила,
но бывают минуты, когда,

непогода ли в том виновата,
непонятно, короче, в чём соль,
настигает меня как расплата
за ошибку фантомная боль.

И хожу я весь день инвалидом,
и тоскливо, хоть плачь, на душе,
и неясно, чего же болит там –
вроде всё отболело уже.

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Вот детская площадка: две горки и грибок –
для детворы окрестной отличный уголок.

Весь день играют дети, им дождик – ерунда,
им всё равно, что скоро настанут холода.

Их смех пересекает площадку, как волна,
их жизнь ещё прекрасна и радости полна.

Да это всё прекрасно, но грустно оттого,
что здесь стоит качелька для сына моего.

Она других качает уже десяток лет,
она теперь пустует, поскольку сына нет.

О, где ты, поколение, не знавшее стыда,
на все твои вопросы я отвечаю – да!

И нечем оправдаться, и некого винить,
и ничего на свете уже не изменить.

Но я ещё надеюсь, что выиграю спор,
и сын мне скажет:

«Папа, пойдём гулять во двор».

СОЦИУМ

ПЕРЕХОД

На бедность пиликает скрипка
за совесть, обиду и страх.
Недетской выходит улыбка
на детских, поджатых губах.

Мотивчик тоски и неволи
запойный отец стережёт,
и тычется классика боли
в московский, глухой переход.

* * *

Словно горсть непокорной земли
разбросала война обелиски.
Мы в чертоги Победы зашли
и погибших увидели списки.

Мимолётная память войны –
имена, что отныне забыты,
где бутылки больные сыны
расхвостали о грубые плиты.

Свою силу утратила соль.
Под скупые осенние вдохи
мы впитаем отжившую боль
отшумевшей советской эпохи.

* * *

Нам рельсы спутала дорога,
и в Вологде осенним днём
мы повстречали мини-бога,
который был моим дружком,

и с ним в один автобус сели.
В Шексну автобус прикатил.
Дружок, чтоб мы не протрезвели,
хачей на водку разводил.

Он козырял ментовской формой
(так полагалось божеству),
и нам казалось это нормой,
халявой, тропкой к торжеству.

Картина Репина «Приплыли»
глазам представилась с утра:
дружок мой был ничтожней пыли,
но мы запачкались вчера.

Какой досадный, глупый промах,
о, совесть, где же ты была?
Храни вас Бог от тех знакомых,
что вас ведут путями зла.

НОВЫЙ СОКРАТ

Как волны бьются об утёс,
так мысли бьются о сознание:
вопрос, вопрос, ещё вопрос –
утёс меняет очертанья.

И тает, тает жизнь моя,
как сахар, в беспощадных волнах,
и солнце ходит, как подсолнух,
в тревожном круге бытия.

Окно, раскрытое во двор,
как сеть улавливая звуки,
несёт любителю науки
привычный вздор.

Шумит пятиэтажный лес,
в бокале плещется цикута,
и, как топор, висит минута.
Мне скучно, бес.

СОРНЯК

Не альбатрос, не покоритель
крутых вершин,
я – просто бедный сочинитель
и блудный сын.

Я славы не ищу невнятной,
я, скажем так,
на ниве жизни необъятной
простой сорняк.

Другим, что я произрастаю, –
до фонаря.
Я семена свои бросаю
на ветер зря.

Услышу я зубовный скрежет
за эту речь,
меня серпом садовник срежет
и бросит в печь.

«КУРСК»

Не вернётся никто из пучины,
и уже никого не спасут.
Плачут женщины, плачут мужчины,
до последнего верят и ждут.

И владыка приехал с охраной
матерей и отцов утешать,
постоял на краю океана,
поплевал и уехал опять.

Утонули проклятья и крики,
как топор, в ледовитом краю,
но придётся ответить владыке
за неправду и трусость свою.

КОМНАТА ПРИЁМА ПЕРЕДАЧ

Приёмщица тупа, и собралась толпа
для близких и родных отправить передачу.
Сюда не зарастёт народная тропа –
читателей своих цитатой озадачу.

Вот девушка стоит лет двадцати на вид –
две палки колбасы, зубная паста, мыло.
Тяжёлая судьба: её мужик сидит,
она, как дура, ждёт, моя б давно забила.

А вот ещё пример: наверно, инженер,
взял кетчуп и лапшу и прочее для брата.
И шарится в вещах летёха-лицемер,
и пачку сигарет берёт запанибрата.

Вот старенькая мать, всё, что смогла собрать,
на зону принесла родимому сыночку.
Седеет голова, она устала ждать,
ей тяжко за двоих работать в одиночку.

И все стоят и ждут, так раны ищет жгут,
так ждали в старину солдат живыми с фронта.
Цепные псы родных и близких стерегут...
А вот и я стою с пакетом «для ремонта».

И кто мне объяснит, кто и за что сидит,
и почему другим всё можно по закону,
и почему народ молчит, а не кипит,
и как любить страну, похожую на зону?

ОТКРЫТИЕ УРАЛА

Александр Дьячкову

Здесь из земли растёт порода,
чтобы потом уйти в отвал.
Встаёт на цыпочки природа –
так начинается Урал.

Здесь каждый день идет сражение –
кто ближе к небу, тот и прав, –
и смертью дышит поражение,
себя, как водится, поправ.

И вот, увидев эти всходы,
из глубины родной земли
поднялись храмы и заводы
и в мир подвижники пришли.

Цветёт уральская столица,
и что мне урки и шпана?
Ведь есть совсем другие лица,
совсем другие имена.

И пусть увидел я немного,
но ясно сердцу и уму,
что там, где люди ищут Бога,
свет победит любую тьму.

ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В ЗАПОГОСТЬЕ

В Шекснинском районе Вологодской области обрушилась колокольня Запогостской церкви, которая «сыграла» роль «колокольни счастья» в последнем фильме Алексея Балабанова «Я тоже хочу». В фильме А. Балабанов сыграл самого себя и собственную смерть. Как утверждают очевидцы, инцидент произошёл на 40-й день после смерти знаменитого режиссёра.

(из газет)

Обозвали тебя колокольной,
показали тебя в новостях.
Журналистскому сердцу не больно
поглумиться на русских костях.

Каждый вечер звонят из столицы:
«Не слыхали ли вы голоса?» –
будто здесь филиал психбольницы,
а не русской земли полоса.

По России не счесть балаболов,
Только я не останусь в долгу.
Умирал режиссёр Балабанов
на твоём осквернённом снегу,

Лицедействовать вздумал немножко,
да не вышло, увы, ничего.
Наша жизнь – не игра, не киношка,
и расплата накрыла его.

Жизнь – страшней, но и смерть – не обуза,
где по снегу легла колея.
И упала, не выдержав груза,
Запогостская церковь моя.

В МУЗЕЕ

Мне в музее выдали автомат,
не стрелять, конечно же, так, для фото.
Мне в плечо упёрся его приклад,
будто это с детства моя работа.

Старый добрый дедовский ППШ,
сплав смертельный дерева и железа,
ты, наверно, в юности не спеша
по фашистам трели давал из леса.

Как кузнечик смерти, носился ты,
враг, тебя услышав, на землю падал,
разлетались головы и цветы,
если ты плевался свинцовым ядом.

Не стрелял по людям я, не пришлось,
но знаком плечу жёсткий вкус приклада,
и когда нагрянет незванный гость,
я умру за Родину, если надо.

Застрекочат пули, рванёт фугас,
пулемёт ударит с небес по тверди.
Дай мне силы, Господи, в этот час
не бояться крови и близкой смерти.

ПОЭТ

* * *

Моё детство не верило в горе:
я играл во дворе дотемна,
улыбался, сидел на заборе,
но недетскою стала весна.

И когда в нашей доблестной школе
утверждался закон кулака,
постигал я понятие боли
от ударов в живот и бока.

И валился на землю в бессилье,
и пощады себе не просил,
и месили меня, и месили,
и один я домой уходил.

А когда всё закончилось летом,
я от шалостей детских отвык:
всё сидел вечерами со светом
и учился спокойствию книг.

Выходил на прогулку, сутулясь,
и не думал об этом всерьёз.
Это только потом затянулось,
это только потом утряслось.

Вечерами мы пили в подъезде,
и, домой возвращаясь ко сну,
я глядел на развалы созвездий,
как уже никогда не взгляну.

* * *

Нас, наивных, накололи
славной сказкой про Москву.
Пусть мне дом приснится что ли,
я другой не наживу.

Город дикий, город странный
мне об этом рассказал.
Пусть приснится деревянный
и обшарпанный вокзал.

Я, шатаюсь вдоль перрона,
буду верить краскам сна...
Повязали Аполлона,
как простого пацана.

ЛИТИНСТИТУТ

Здесь льют, как воду в глиняный кувшин,
учения серебряную влагу
и ставят плюс искателям причин,
которые испортили бумагу.

А вместо славы грубая печать,
ничтожный штамп за божий дар и милость.
Нас научили мыслить и молчать,
а мы живём, чтоб что-то получилось.

КОЛПАК

Сквернословил, злился, жалил,
одурев от этих дел,
шутовской колпак напялил,
колокольчиком звенел.

Приставал, грубил, шатался –
разлетелась болтовня.
У людей колпак остался
и осадок от меня.

Подвели меня порода,
погремушка-нищета,
соль поэзии – свобода
к репутации шута.

* * *

Как надоело мне
в поэзию играть.
Вот я лежу на дне
и не хочу всплывать.

Вся жизнь моя прошла
за эту игруй,
в итоге ни кола,
ни дома за спиной,

вернее, ни двора,
хотя причём тут двор.
Поэзия – игра,
и я – дурной актёр.

Поэзия – хомут,
надет – известно кем.
Стихи меня ведут,
увы, не в Вифлеем,

не в Иерусалим,
они сулят распад
и скверный Третий Рим
преображают в ад.

Они ведут на дно,
они грозят бедой,
в них лучшее вино
становится водой.

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Разминая ленивые ноги,
я гулял по Москве сколько смог
и сорвал у железной дороги
мать-и-мачехи жёлтый цветок.

Бесконечно судьбе благодарен
за простую земную красу,
я возьму этот жёлтый фонарик
и в общагу его отнесу.

И пускай он под вечер завянет,
как завяли другие цветы.
Не печалься, светлее не станет,
если будешь печалиться ты.

* * *

Я вчера перерезал пространство
и сегодня проснулся в Сумах,
поменяв – не смотри на размах –
постоянство на непостоянство.

Зацени, как немеет язык,
отойдёт – не такое задвину.
В Украину ли на Украину
я приехал и время настиг.

Я оставил рубашку свою:
разговоры, враньё, перебранки.
Ты прикинь, я сижусь у альтанки
и лекарство из горлышка пью.

Не беда, говорю, не беда –
это воля ударила в спину.
Я покину на днях Украину,
но моя засияла звезда.

Будь, что будет, была не была,
надоело в неволе томиться.
Потеряется угол в столице?
Мне свобода дороже угла.

* * *

Плохи мои дела. Я тлею, как окурок.
Хотя чего желать? Заводишко пивной,
молочный комбинат, кисельный переулок –
жужжит под колпаком мещанский рай земной.

А на зрачке дрожит конфетная столица,
цепляет за глаза господское жильё.
Мне некуда идти, мне негде притулиться,
мне не с кем разделить бессилие моё.

Боли, боли, душа, когда тебя не просят,
держишь за жизнь поэт, пощады не проси.
Пускай твои враги на сердце камень носят,
ты камень на врага на сердце не носи.

* * *

Ни в марте воды, ни в апреле травы –
дороги Москву рассекают, как рвы.

И если по этим дорогам идти,
то можно богатство и славу найти,

и стыд потерять, и забыть благородство.
Но не продаётся моё первородство.

Напрасно Иаков выносит похлебку,
я вышел уже на знакомую тропку.

Здесь дышится легче, шагается проще,
четыре березы – подобие рощи,

и пятая возле дороги –
идёшь и не смотришь под ноги.

Вся жизнь разделилась на после и до,
пора возвращаться в родное гнездо.

По этой тропинке бежать и бежать,
и выстроить дом и детей нарожать,

и сад посадить и стихов наплести –
и в этом богатство и славу найти.

* * *

Взирая на трубы завода
и церкви разбитый хребет,
выходит поэт из народа,
как тени выходят на свет.

Течёт, утекает водица,
как этот денёк голубой.
Хотел бы я снова родиться
и встретиться снова с тобой.

Хотел бы я жить и работать,
любить и стихи сочинять,
по фене поганой не ботать,
измен и предательств не знать,

забыть эти дрязги и кипеж,
спокойно дожить до седин,
увидеть, как сказочный Китеж
всплывает из тёмных глубин.

Смотри, словно белые птицы,
уходят на юг облака.
Хотел бы я снова родиться,
хотел бы, да жизнь коротка.

ОБ АВТОРЕ

Родился в 1981 году в пос. Ладва Республики Карелия. Большую часть жизни прожил в пос. Шексна Вологодской области. Служил в пограничных войсках, работал на стройке и в театре. В 2003 г. поступил в Литинститут на поэтический семинар Юрия Кузнецова. После его смерти перешёл на семинар Евгения Рейна. Основатель и участник поэтической группы «Разговор», главный редактор одноимённого журнала.

Литературно-художественное издание

Григорий Викторович ШУВАЛОВ

ВЕСТОЧКА

Редактор
Евгений БОГАЧКОВ

Вёрстка/обложка
Александр ДОРОФЕЕВ

Подписано в печать 15 августа 2017 г.
Формат 60x84 1/32. Печать офсетная. Бумага офс.
Печ. л. 3,25. Тираж 500 экз. Заказ № 945к

Концерн «Литературная Россия»
127051, Москва, Цветной бульвар, 32, стр.3.
Тел.: 694-23-24

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский переулок, 6
Тел./факс: 8(495) 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

ISBN 978-5-7809-0222-5

9 785780 902225